
Марина Ветрова ✦ Анна Шилд
Развод с предателем.
Ты опозорил меня перед всеми,
а теперь сам стоишь на коленях!

Анна Шилд

Развод с предателем. Ты опозорил меня перед всеми, а теперь сам стоишь на коленях!

«Автор»
2026

Шилд А.

Развод с предателем. Ты опозорил меня перед всеми, а теперь сам стоишь на коленях! / А. Шилд — «Автор», 2026

Муж показал мне фотографии моей «измены» и выставил из дома с одним чемоданом. Лучшая подруга подтвердила его ложь, коллеги отвернулись, банковскую карту заблокировали.Я осталась одна в чужой стране, опозоренная перед всеми.Но на прощальном приёме появился шейх Джамаль аль-Халифа. Он заметил то, что остальные предпочли не видеть: снимки подделаны.За фиктивной изменой скрывались украденные миллионы и предательство самых близких.Шейх предложил мне убежище, а затем рискнул собственной помолвкой и положением ради правды.Теперь бывший муж просит прощения.Только я больше не та женщина, которую можно выгнать и заставить молчать.Моё счастье начинается без него. И у него нет шансов.

© Шилд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фото на столе 5
Глава 2. Набережная 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Марина Ветрова, Анна Шилд Развод с предателем. Ты опозорил меня перед всеми, а теперь сам стоишь на коленях!

Глава 1. Фото на столе

С репетиции возвращалась счастливая. Помню это до сих пор — как зажимала в руке билеты на детский концерт, как пахло от меня чужими духами, подаренными родителями одного из учеников, и моим собственным потом, потому что кондиционер в актовом зале опять сломался, а тридцать детских роялей — простите, тридцать детских характеров — жара не уважают. Думала: надо купить Вите те финики, которые он любит, сладкие, в меду, у торговца у рынка. Три года замужем, а всё ещё бежала домой, чтобы порадовать его мелочью. На светофоре таксист обернулся:

— Хорошие новости? Всю дорогу улыбаетесь.

— У меня хорошая жизнь. Муж ждёт. Дети сегодня спели вместе, тридцать человек!

Он засмеялся:

— Береги её, хорошую жизнь.

В его интонацию тогда не вслушалась.

Дом встретил меня тишиной и запахом чужого одеколона.

Узнать одеколон не получалось — чужой, мужской, тяжёлый; от него хотелось распахнуть окна, как после ремонта. Из-за приоткрытой двери гостиной донеслись мужские голоса. Два, говорили одновременно, по-деловому перебивая друг друга. У нас дома так ещё не разговаривали.

Обувь сняла у порога — по привычке: Витя не терпел уличной грязи в доме. Позже даже усмехнулась этому послушанию, а тогда стояла босиком на прохладной плитке; пальцы ног сводило сильнее, чем обычно от кондиционера.

В гостиной, за нашим столом, где мы ели плов по пятницам и играли в карты в дождливые вечера, сидели трое. Витя. Двое его коллег из холдинга — здоровалась с ними на прошлогоднем корпоративе, у одного жена тоже была русская, и мы полчаса проговорили про школы. Его звали Марат. Второго вспомнить не могла — квадратное лицо, короткие пальцы, всё время что-то вертел в руках, телефон или зажигалку. На столе, посередине, между пустыми чашками, лежала папка. Обычная, серая, пластиковая. Такие лежали у нас дома стопкой — Витя приносил работу, у него всегда было много работы.

— Садись, Даша. — Он подвинул ко мне стул. Даже вежливо. Тем же тоном за рулём просил пристегнуться. — Нам надо поговорить.

— Витя, у меня концерт через три недели, ничего не успеваю. Если можно, коротко...

Всё ещё стояла, удерживая сползавшую с плеча сумку; билеты остались на полочке в прихожей, куда положила их, аккуратно расправив уголки.

— Садись. Это длинно.

Присела, прижав колени к стулу. Марат отвёл глаза. Квадратнолицый разглядывал меня с любопытством посетителя у аквариума.

— Что случилось?

— Открой папку.

— Витя, за рулём сегодня не была, с репетиции на такси. Если ты про штрафы...

— Даша. — Он поставил локти на стол, сплёл пальцы, подбородок у него был гладко выбрит, хотя обычно ходил с двухдневной щетиной. Он готовился. Он брился перед этим разговором, как перед собеседованием. — Открой. Папку.

Открыла папку, придавив обложку. Ждала чего угодно.

— Долги? Уволили? С мамой что-то? Витя, скажи. Квартиру продали? Машину разбил? Начальник обиделся?

Готова была принять любую новость: за три года брака выучила главное правило — Витя всегда играет вдолгую. Таким тихим он становился, когда уже всё просчитал, трижды, и собирался объявить результат.

В папке были фотографии. Я.

— Это отель? — На первом снимке была в халате, за спиной стоял чужой мужчина, лицо в полутьме. — Кто он? Почему обнимает меня?

На втором смеялась, запрокинув голову, а он клал мне руку на плечо. На третьем стояла у окна, вполоборота, и его пальцы на моей талии. Снимали издалека, из угла, скрытой камерой.

— Халат мой. Стрижка. Родинка. Даже улыбка моя, тридцать два года так улыбаюсь... Витя, откуда это?

Перед глазами поплыло. Пришлось вцепиться в край стола: ещё немного — и упаду в эти кадры, в собственное лицо, которое смотрело на меня из незнакомого номера.

— Это не я. — От собственного тонкого голоса стало страшнее. — Витя. Это не я. Я не была... Я никогда в жизни...

— Двадцать третье число, отель на Корниш-роуд, — Марат вздохнул, как вздыхают, когда жалеют безнадёжных. — Метаданные совпадают. Номер снимался на твою карточку лояльности. Свидетели есть.

— Какие свидетели? Какие... — Листала страницы, с трудом подцепляя уголки. Тёплые, гладкие фотографии липли к коже; хотелось отряхнуться, стереть с себя прикосновение этого номера, в котором никогда не бывала. — Я в этот день была на репетиции! С четырнадцати до девятнадцати, у меня тридцать детей в классе, они готовили хор к весеннему концерту, спросите кого угодно, у меня журнал, у меня...

— Лиля видела вас вдвоём. — Витя прижал фотографию к столу, останавливая меня.

Имя Лили прозвучало так некстати, что пришлось переспросить.

— Что?

— Выходишь из лифта с ним. Вечером того же числа. Она узнала тебя случайно, она долго не знала, как сказать.

В углу одной из фотографий, размытая, в отражении стеклянной двери — Лиля. Поднесла снимок ближе: да, моя Лиля.

— Мы с ней каждую среду пьём кофе в торговом центре. Она меня учила платок завязывать по-бахрейнски! На моём плече плакала после очередного своего «того самого»... Размер обуви знает, сколько сахара мне в чай класть. Она бы мне сказала!

Она выходила из того же лифта. Она видела.

И она молчала три недели?

— Погоди. — Положила фотографии на стол, медленно, чтобы не разорвать их: уже мялись уголки, а повреждённые доказательства выглядели бы хуже целых. — Погоди. Если Лиля видела это три недели назад — почему она молчала? Почему она пила со мной кофе? Почему в прошлую среду она выбирала мне помаду?

Марат кашлянул. Квадратнолицый уставился на зажатую в кулаке вещицу: телефон или зажигалку.

— Ей было тяжело. — Витя отодвинул от себя чашку. — Она боялась разрушить брак. Женская солидарность, представления не имею.

Он говорил гладко. Ни одной запинки. И именно эта гладкость — впервые за три года — испугала меня по-настоящему.

Подняла глаза на мужа. Он ждал, пока закончу, поглядывал на часы; с каждым его взглядом становилось холоднее. С таким лицом стоял однажды в очереди на почте, когда опаздывал на встречу. Ему и сейчас было неудобно. Всего лишь неудобно слушать жену.

— Ты знаешь, что это неправда. — Громче шёпота не получилось.

— Я знаю, что три года тащил семью один, — он посмотрел в сторону окна, на залив, где зажигались огни. — Знаю, что ты попрекала меня Москвой, сценой, всем. Знаю, что, когда друзья спрашивали, почему жена не выходит с нами, врал, что ты болеешь. Это не жизнь, Даша. Я устал.

— Тащил семью? — Коротко хохотнула и сама испугалась этого некрасивого звука. — Витя, готовлю, стираю, работаю на две ставки. Кормила тебя, когда ты провалил последний аудит. Продала своё пианино, чтобы мы заплатили за эту квартиру...

— Вот. — Он кивнул с удовлетворением: получил нужный ответ. — Продала пианино. И даже не поплакала. Понимаешь, о чём это говорит?

— О том, что я люблю тебя, идиот!

Марат деликатно изучил потолок.

— Развод. — Витя раскрыл второе отделение папки. Таким тоном читал о погоде и пробках на мосту. — Бумаги уже у адвоката. Подпишешь — разойдёмся тихо, я оставляю тебе обратный билет, это честно. Не подпишешь — будет шумно. Разбор в холдинге, ты же понимаешь, кому верят на слово. Твой выбор.

Марат и второй — они, оказывается, уже стояли, — забрали свои чашки. Марат на выходе коснулся моего плеча:

— Держись, Даша. Что теперь сделаешь.

Это «держись» было хуже пощёчины — меня жалели уже сейчас, до суда, до бумаг, до конца. Квадратнолицый на пороге обернулся и посмотрел на меня так, будто хотел что-то сказать. Потом передумал.

Дверь закрылась. Мы остались вдвоём — я, Витя и серая папка.

— Почему? — Пододвинула к нему снимок. — Хотя бы скажи почему. Имею право знать почему.

Он долго прикидывал, сколько мне сказать. Три года отмахивалась от этих пауз, а сейчас ждала под его оценивающим взглядом. Устал от меня, всё рассчитал и решал, стоит ли тратить ещё минуту. Так проезжают мимо бензоколонки, в которую больше незачем заезжать.

— Потому что удобнее, когда виновата ты. — Он задвинул фотографию обратно в папку. — Так проще. Со всеми.

— С кем — со всеми?

Он не ответил. Он встал, разгладил на брюках несуществующую складку — знакомый до мелочей жест перед встречей с начальством, — и прошёл мимо, не коснувшись, даже краем рукава. В прихожей наш чемодан — мой старый, из студенческих времён, с колёсиком, которое заедает на каждом третьем метре, — уже стоял у двери. Он выставил его в коридор, заранее. Он выставил мой чемодан до моего возвращения домой. Сколько часов он стоял там? Неужели место для него Витя приглядывал все три недели, что Лиля «молчала»?

Протянула чемодан по плитке — колёсико скрипнуло. Остановилась, стиснув зубы: знакомый звук, а терпеть сил нет.

Витя взял с полочки билеты на детский концерт и бросил в мусорное ведро. Пришлось достать их оттуда. Оба. Разгладила на колене. Положила в карман — не знаю зачем. Чтобы было что выкинуть потом, уже сознательно.

Сидела за нашим столом, где в прошлую пятницу был плов, и держала чужие фотографии: на них изменяла мужу с человеком, которого никогда в жизни не встречала. За окном над

заливом догорал день. Чайник на кухне щёлкнул и отключился — Витя включил его, проходя мимо; рядом стояла моя утренняя чашка, забытая перед репетицией. Витя ушёл, притворив дверь. Дом жил своей маленькой тёплой жизнью, из которой меня уже выписали.

А потом зазвонил телефон. Лиля. Моя Лиля, моя лучшая подруга, мой единственный человек в этой стране.

Ухватила телефон так торопливо, что едва его не выронила.

— Лиля...

— Даш, — голос у неё был тёплый, мягкий, немножко виноватый. — Витя мне всё рассказал. Бедный ты мой. Ты только не переживай так, ладно? Слышишь меня? Не переживай. Это ничего не значит для тех, кто любит. Я рядом. Я всегда рядом.

Она была рядом. На фотографии. В отражении. Выходящая из лифта. Но сначала другое.

— Лиль, а почему ты мне не позвонила три недели назад? — Выговорила медленно, по слову, как ребёнку.

Пауза была короткая, меньше секунды, но её хватило, как одной фальшивой ноты, чтобы насторожиться.

Глава 2. Набережная

— Я не верила своим глазам, солнышко. Я думала — мне показалось. Я же знала тебя. Я знала, что ты не можешь.

«Знала, что ты не можешь». Значит, могла прийти и спросить. Теперь укрывалась ласковыми словами и врала, изображая мою подругу.

А когда вышла в коридор — чемодан у ноги, документы в сумке, билеты в кармане, — они оказались вдвоём прямо под открытым окном первого этажа. Витя стоял у машины во дворе, а Лиля обнимала его. Обнимала легко, по-свойски, головой к его плечу, как обнимают давно и привычно, по наезженной колее. И он не отстранялся. Его рука лежала у неё на спине — там, где всегда обнимал меня, — и лениво, машинально, гладила.

Лиля увидела меня. Улыбнулась через плечо мужа — мягко, жалобно, по-подруговски, уголками губ вверх, глазами вниз, — и не разжала рук. По этой улыбке полагалось догадаться: мешаю. Следовало извиниться перед чужой парой и пройти мимо.

— Дашенька. — Она подняла лицо к окну; в тихом голосе отчётливо слышалась жалость. — Возьми такси. Ночью не ходи с чемоданом.

— Подпиши бумаги. — Витя обернулся к окну, понизив голос; теперь слышалась злость. Лиля прижималась к нему, но обращался он только ко мне, всё ещё поглаживая её спину. — Или станет хуже.

— Что может быть хуже? — Подтянула качнувшийся чемодан.

Он подумал. Честно, секунды две перебирал варианты — хотелось захлопнуть окно. Для «хуже» он наверняка приготовил ещё одну серую папку и до поры убрал её подальше от меня.

— Даша. — Он выдержал паузу, глядя прямо в окно. — Не проверяй.

Осталась с чемоданом в коридоре. За окном над заливом догорала полоса заката; во дворе хлопнула дверь машины, и заработал двигатель, негромко, привычно — так узнавала возвращение мужа. Теперь слушала, как они уезжают. Вместе.

Стало хуже. Оставленная открытой дверь квартиры за моей спиной закрылась — тихо, вежливо, по-домашнему.

Бумаги о разводе были ещё у адвоката, а Витя уже отозвал своё визовое спонсорство. Об этом сообщило уведомление миграционной службы на смартфоне. Вежливое, безличное, с отметкой «доставлено»: прежний статус прекращён, на урегулирование пребывания — семь дней.

Семь дней. Перечитала сообщение четыре раза. Снова открывала его — на экране стояло то же число. Семь дней, чтобы Дарья Морозова, тридцать два года, учитель музыки, одиннадцать лет фортепиано, лауреат двух московских конкурсов, о которых уже никто не помнит, собрала свою жизнь в один чемодан с заедающим колёсиком.

Банковская карта не работала с утра. Стояла у банкомата в торговом центре — том самом, где мы с Лилей ели мороженое по средам, где продавщица из кофейни уже знала: «Двойной, с корицей, дамам с севера», — и на экране светилось: «Операция отклонена». Попробовала ещё раз. И снова набрала код. Из-за спины вздохнула женщина с двумя детьми. Отошла, позвонила в банк, выслушала ответ по-арабски, потом по-английски. Наконец соединили с русскоязычным оператором.

— Совместный счёт заблокирован по заявлению владельца основного профиля. Карту к личному счёту рекомендуем оформить в течение трёх рабочих дней.

— Но там мои деньги. Зарплата. Как снять хотя бы часть?

— Обратитесь в отделение с документами.

— Мне сейчас нечем заплатить за жильё. Эти три дня где жить?

— Удалённо помочь не могу. Заявление от основного владельца.

— Муж? Он может оставить меня совсем без денег?

— По вашему профилю операции недоступны. Мне очень жаль.

Совместный счёт. Первые полгода, пока не нашла школу, вкладывала туда сбережения от московской зарплаты. Витя уверял, что так удобнее оплачивать всё сразу, а мне нравилось видеть общую сумму. Под словами «наши деньги» теперь осталась только его подпись.

Позвонила Лиле. Гудки. Ещё гудки. Она сбросила.

Написала: «Лиль, мне нужно поговорить. Правда нужна. Пожалуйста».

Ответ пришёл через десять минут. Тёплый, короткий, со словами «отправила сердечко», и на секунду стало легче, старый рефлекс: Лиля написала, значит, мир держится.

«Дашенька, я с Витей в Джидде по работе, вернусь через неделю. Держись, я в тебе не сомневаюсь. Отправила сердечко».

В Джидде. В Джидде они не были по работе никогда — я знала это, потому что каждую его командировку записывала на жёлтом стикере и приклеивала к семейному календарю на холодильнике. В Джидде не было ни одного стикера.

Позвонила Марату — тому, что «держись». Он взял после пятого гудка и заговорил деловито, как о счёте за воду:

— Дарья, я в этой истории посередине, пойми правильно. Свидетель есть свидетель. Я не хочу никого обидеть, но тебе лучше с адвокатом.

— Марат, в этот отель никогда в жизни не заходила. Никогда. Спроси адрес — не назову. Даже улицу не знаю, Марат!

— Ну... — он помолчал, звук стал глуше, а телевизор, бубнивший рядом с ним, почти перестал доноситься. — Люди говорят разное. Двадцать третьего ты вроде уезжала куда-то на такси, так...

— На такси с репетиции! Водителя можно найти...

— Даша, ну зачем ты так. — Он тяжело вздохнул в трубку. — Всё уже же случилось. Не обижайся, ладно?

И повесил трубку. «Не обижайся, ладно». С этой просьбой меня оставили виноватой ещё и за обиду. Выставили за дверь, а держаться полагалось прилично.

Общих друзей у нас набралось, оказывается, много — Витя умел дружить с нужными, звал их на мангал, запоминал дни рождения детей. Из двенадцати звонков восемь не взяли — восемь раз я слушала гудки, и каждый гудок был похож на предыдущий, и к седьмому отсчитывала их наизусть. Один ответил:

— Даша, ты же умная женщина, признай очевидное, тебе же легче будет.

— Что признать? Чужую фотографию? Скажи, что именно сделала?

— Ну зачем сейчас это обсуждать. С Витей сама поговори.

Легче. Следующий — наш сосед, добрый пожилой бахрейниец с четвёртого этажа, который водил нас на ужин и звал «мои дети», — ответил только:

— Дочка, иди домой.

— Дома больше нет. Он выставил чемодан. Мне хотя бы переночевать...

Сосед положил трубку. Он не поверил. Или поверил — и ему стало невыносимо. Его простила сразу.

Домой было некуда. Обратный билет — через неделю, самый дешёвый, с пересадкой, Витя «позаботился». Паспорт лежал в сумке, а в телефоне — уведомление о прекращении статуса. Приговор с отсрочкой. Каждые полчаса доставала его, проверяла страницу с фотографией. Эту книжечку с моим именем ещё принимали за документ, по ней ещё можно было куда-то уехать.

Сняла за наличные — их оставалось совсем немного, наличные не блокируются, спасибо небу за стариковскую привычку хранить купюры в чехле от паспорта, — комнату в самом заху-

далом отеле на окраине. Фанерные стены, лампочка мигала при каждом включении соседского кондиционера, а за стеной женщина предупредила:

— В три часа молиться буду. Тебе слышно, наверное. Не пугайся, хорошо?

— Хорошо. Здесь вещи оставить можно?

— Запирай. Замок-то хлипкий. Ты надолго?

— На неделю. Пока на неделю.

Проверила замок и забрала чемодан: всё моё там, оставлять страшно. Пошла пешком на набережную — сидеть в этой комнате было страшнее, чем идти.

В Манаме набережная длинная, белая, вымощенная светлым камнем, и вечером, когда спадает жара, туда выходит весь город — семьи, дети на самокатах, старички с чётками, парочки. Ветер с залива пахнет солью и почему-то жареными орехами — там, у спуска, всегда жарят кукурузу, и угли трещат, и дым стелется по воде. Шла, и навстречу катились самокаты.

— Прости! — Мальчишка едва успел объехать мой чемодан.

Рядом упала девочка, и мать подняла её, поцеловала в лоб, отряхнула коленки:

— Цела? Давай погляжу. Ну вот, только пыль.

Обычный вечер, обычный город, которому не было дела до моего конца.

Села на скамейку у самой воды. Чемодан поставила между колен, обняла его — иначе он казался слишком маленьким для целой жизни. Тридцать два года. Муж. Друг. Дом. Сцена, которую я оставила в Москве, ради его карьеры, — отказалась от места в камерном театре. В самолёте плакала, а он держал меня за руку:

— Там будет ещё лучше, у нас будет ещё лучше. Обещаю тебе. Найдём и сцену, и учеников. Только не плачь, Даш.

Верила ему, прижимала к щеке мокрую салфетку. Всё — вот оно, между моих коленей, с заедающим колёсиком.

Пока сидела, солнце опустилось к заливу, как монета к щели. Огни на другой стороне — высотки, башни, краны порта — зажигались одно за другим, будто кто-то неспешно щёлкал выключателями в квартире размером с море. Красиво. Три года жила в двадцати минутах отсюда и ни разу не выбралась сюда посидеть без дела. Всё было некогда. Нужно работать. Нужно встретить его с работы. Беречь наш дом.

Чей дом теперь?

Внизу, у парапета, копошились торговки жемчугом. Бахрейн — страна жемчуга, здесь целые династии ныряльщиков, мальчиков отправляли под воду с зажатым носом; за каждой ниткой чья-то биография. У одной старушки были разложены на бархатке нитки, браслеты, перстни — всё старинное, тусклое, настоящее, не магазинный глянец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.